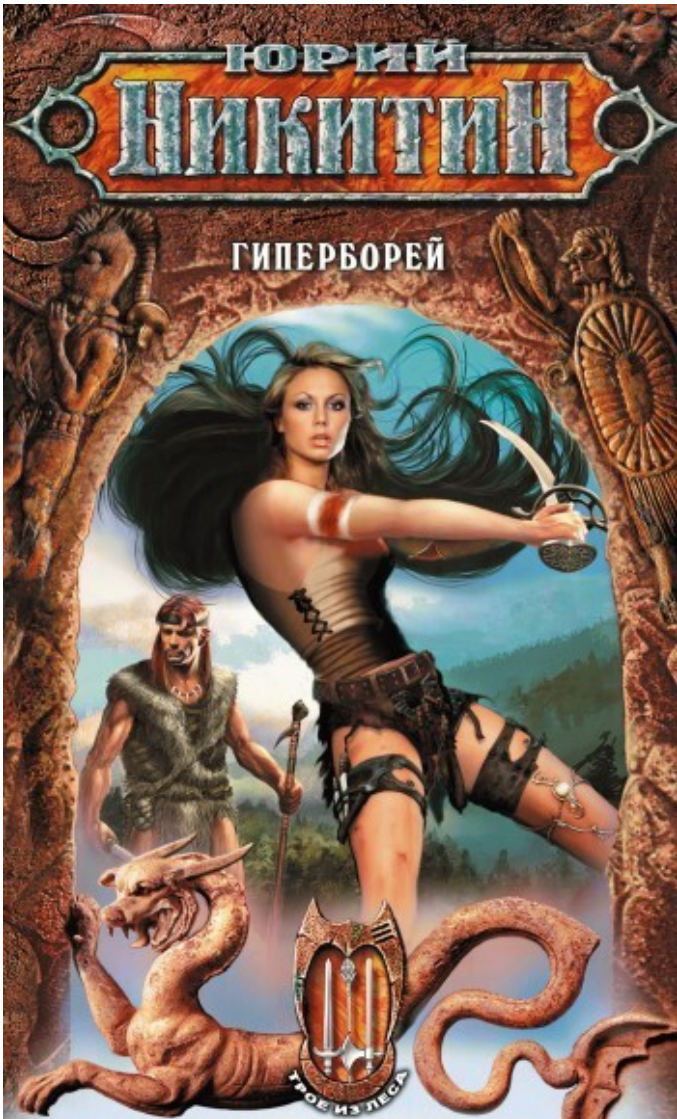




ЮРИЙ НИКИТИН

ГИПЕРБОРЕЙ



Юрий Александрович Никитин

Гиперборей

Серия «Трое из леса», книга 11

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121748

Никитин Ю. Гиперборей: Фантастический роман: Эксмо; М.; 2007

ISBN 5-699-19537-8

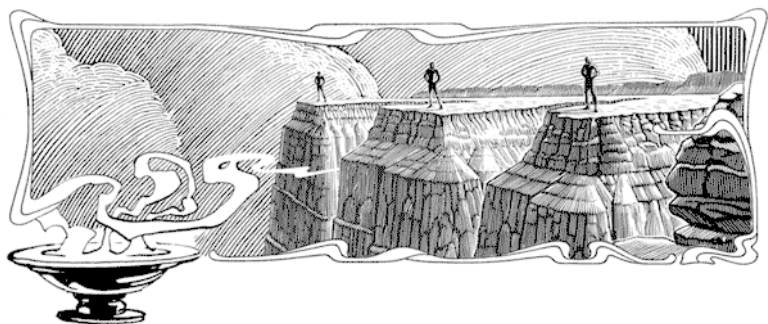
Аннотация

Волхв Олег, один из легендарных Троих из Леса, становится отшельником, чтобы в уединении познать Истину. Но нападение дикого племени обринов заставляет его вновь взяться за оружие и вернуться в мир, полный лжи и насилия. Разгромив захватчиков, Олег узнает, что над Русью по воле зловещего Совет Семерых нависла страшная угроза. И Олег вновь отправляется в далекий путь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Юрий НИКИТИН ГИПЕРБОРЕЙ



Глава 1

Олег услышал приближающийся конский топот. На поляну выметнулся храпящий конь. Всадник был огромен, лют, за плечами трепыхается шкура барса, на шее ожерелье из волчьих и медвежьих клыков. Следом через чащу проломилась двое дулебских слуг, кони шатались, роняли пену.

– Светлый обрин, собаки потеряли след оленя!

– Каджи вас поberi с такими псами! – заорал всадник в шкуре барса.

Плеть свистнула, дулеб вскинул ладони, но узкая полоска кожи с треском распорол рубаху на спине. Конь под дулебом всхрапнул, вздыбился, едва не выбросив седока из седла, понесся через кусты.

Обрин, не выпуская плети, повернулся к Олегу. Тот сидел на пороге пещеры, рядом на плоском камне сушились травы, корни, ягоды. Глаза обрина налились кровью.

– Молитвами живешь? А почему олень исчез? Почему псы след потеряли? Кто ты есть, тварь?

Олег низко поклонился:

– Пещерник я, светлый хозяин.

– Пещерник, – прорычал обрин, щеря острые зубы. Его пальцы крепче сжали плеть, конь гарцевал, боком приближаясь к пещере. – Гнушаешься нашей жизни, с богами дружишь... На колени!

Олег поспешно упал на колени. Обрин с наслаждением – даже привстал на стремянах! – обрушил плеть на сторбленную спину. Рубаха лопнула, обнажив худую спину с резко выступающим хребтом. Поперек спины запылала кровавая полоса.

Обрин остановил коня, процедил сквозь зубы:

– Плечи как у быка, а от жизни прячешься... Тварь!

Люто свистнула плеть, рубаха лопнула в другом месте. Вздурлся длинный красный рубец. Налитые кровью глаза обрина выпучились, он часто задышал. Плеть засвистела в воздухе, на землю, как осенние листья, опали обагренные кровью лохмотья рубахи. Колени были на земле, голова покорно опущена. Худое жилистое тело вздрагивало под свирепыми ударами. Спину крест-накрест исполосовали багровые рубцы, а плеть все так же зловеще взлетала над головой.

На поляну продрались, круша кусты, обры и кучка пеших загонщиков из примученных дулебов. Обрин осатанел, на синих губах повисла пена. Он что-то орал, оскалив зубы, как зверь. Конь испуганно дергался, дрожал от щелкающих ударов. В воздухе запахло свежей кровью.

Один из обров подъехал к всаднику с плетью, с готовностью бросил ладонь на рукоять меча:

– Тарган, позволь! Я смахну ему голову.

Обрин задержал руку с плетью над головой, оглянулся:

– Чего?

Воин медленно потянул из ножен меч.

– Плетью забивать долго... А так с одного маху.

Обрин повернулся к стоящему на коленях пещернику. Окровавленные полосы рубашки свисали до земли, словно лыко, содранное свирепым медведем с липы, спина и шея безобразно вздувались переплетением багровых рубцов, многие сочились кровью. Невесть откуда налетели крупные, как жуки, зеленые мухи, со злобным жужжанием падали на спину, жадно лизали сукровицу.

– Пусть поживет, – буркнул обрин. Он сунул плеть за пояс. – А то скоро пороть будет некого.

Гридни захохотали. Обрин повернул коня, копыта прогрохотали мимо пещеры Олега. Один спешил, помочился у входа, затем с гиком и свистом пустился догонять своих. У троих обров висели притороченные к седлам зайцы, тетерева, один сумел добыть молодого кабанчика. Со смехом и шуточками ехали к селению дулебов, где месяц тому назад истребили почти всех мужиков, а молодых девок оставили для потехи. Один из обров вдруг оглянулся на Олега, сказал с удивлением:

– А кожа у пещерника прямо дубленая!.. Ты раньше рассекал мясо до кости, а у этого шкура едва-едва лопалась... Или у него не шкура, а кора?

– Посидел бы ты в пещере, – фыркнул другой. – Там клопы размером с жуков! Какую шкуру надо нарастить, а?

Олег спустился к ручью, что бежал в трех шагах от пе-

щеры, смысл кровь. Рассеченную кожу саднило, и он прислушался к забытому ощущению боли с недоумением и смутной тревогой. Холодная вода постепенно остудила тело. Не вылезая, Олег дотянулся до знакомых сочных стеблей, что склонились к воде, выдернул, очистил от кожуры, пожевал луковицы. Язык защипало, рот наполнился вязкой слюной. Он медленно вышел из воды, приклеил листья на рассеченную кожу. Над головой уже перекликались беззаботные птицы, порхали яркие бабочки, важно гудели шмели, похожие на крохотных медвежат. Муравьи деловито доили тлей, таскали травинки...

В пещере он опустился на каменное ложе, закрыл глаза. Стены словно бы сдвинулись, он ощутил знакомое оцепенение. В черноте поплыли цветные пятна, в ушах зазвучали странные голоса. Он погружался все глубже, голоса слышались все яснее, начал различать слова, обращенные к нему, но внезапно слух уловил другие голоса, из другого мира!

Олег с отвращением ощутил, что сознание возвращается в прежний неустроенный мир, мир грубости и злобы. Голоса стали громче, женские голоса. Они доносились со стороны поляны, куда выходила его пещера. Олег поднялся с ложа.

Затрещали кусты. Олег успел подумать с неудовольствием, что пустынную часть леса за последний год стали посещать чересчур часто.

Ветки раздвинулись, на поляну продрались шесть молодых женщин – в лохмотьях, полуголые, на плечах пламене-

ли багровые рубцы. Женщины были запряжены в конскую сбрую, тянули за две длинные оглобли. Ломая сочную зелень, следом катила телега, на передке орал и махал бичом краснорожий обрин. В телеге веселились еще трое – пели, хохотали, швыряли в женщин обглоданные кости...

Посреди поляны одна несчастная запнулась, упала, вторая рухнула сверху. Колеса наткнулись на упавших, телега разом остановилась. Пьяный обрин едва не слетел с передка, люто заорал на своем гортанном языке. Плеть со свистом прорезала воздух, расплелась в длинный ремень с кусочком свинца на конце. Женщины вскрикнули в один голос: сразу у троих брызнула кровь.

Олег тяжело вздохнул, сделал шаг назад. Мир не меняется. А он еще не отыскал нужные слова, единственно верные законы, которые приняли бы люди. И обры, и дулебы, и поляне, и даже свирепые тиверцы...

Обрину надоело махать бичом, соскочил на землю. Был он высок, широк в плечах, двигался тяжело. Плачущие женщины сгрудились в кучу, смотрели с ужасом. Обрин пнул одну ногой, спросил хриплым голосом:

– Кто остановил?

Женщины в страхе раздвинулись. В середке сидела молодая худенькая девушка. Ее пальцы туго обхватывали подвернутую лодыжку. Тоненькая струйка крови стекала из прокушенной губы, лицо было белое как мел. Большие синие глаза с ужасом встретили угрюмый взгляд огромного обрина.

– Встань, – велел обрин.

Девушка послушно приподнялась, тут же тоненько вскрикнула, упала. Обрин опустил длинную волосатую руку, легко поднял. В другой руке блеснул нож. Женщины закричали, заплакали, а обрин деловито и быстро перерезал горло жертве, брезгливо отбросил вытянутой рукой в сторону, дабы не испачкать одежду. Девушка упала среди зеленой травы, из толстой вены хлестала струя темной крови.

Женщины плакали уже тихо, страшась рассердить могущественного обрина. С телеги крикнули, голоса были нетерпеливые. Женщины ухватились за оглобли. Пока обрин взбирался на телегу, они поменялись местами: с одной стороны три совсем молоденькие девушки, а за другую оглоблю ухватились две женщины покрепче.

Олегу стало жарко, словно шел через пустыню. Он начал отступать в глубь пещеры, но хищные глаза обрина уже узрели пещерника. Он стиснул в кулак кнут, крикнул:

– Эй, раб! Подойди.

Олег послушно вышел, пригибаясь, остановился перед телегой. Голову он держал покорно склоненной, смотрел себе под ноги. Кнутовище больно ударило снизу в подбородок, он поспешно вскинул голову. Обрин скривил толстые губы в неприятной усмешке:

– Эй, раб! Хоть ты и пещерник, но своих женщин жалко?

Олег с усилием разлепил губы, ответил хрипло, с удивлением прислушиваясь к своему голосу:

– Жаль...

На телеге захохотали. Молодой обрин швырнул обглоданной костью, а возница сказал насмешливо:

– Я могу их отпустить. Но повезешь тогда ты.

Олег стоял неподвижно, пытаясь проникнуть в смысл простых страшных слов. На телеге довольно ржали трое хищных зверей, а в телегу были впряжены пятеро кротких тварей, и если он, который вот-вот постигнет Истину, заменит их, то их отпустят по своим норам. Они простые звери, искры Рода в них едва тлеют, а он близок к богам, однако тоже совсем недавно был простым зверем, очень простым зверем...

Он тяжело качнулся, подошел к женщинам. Те испуганно попятились. Олег взялся за оглобли. Говорить не решился, он даже забыл, когда последний раз произносил связные речи. Для тягостных размышлений и беседы с богами слов не требовалось.

Обрин довольно оскалил крупные, как у коня, зубы:

– Хорошо... Даже зверь защищает своих детей и женщин. Но учти, раб! Я люблю ездить быстро.

Женщины, глядя на пещерника расширенными глазами, шарахнулись от телеги, как стая испугнутых птиц. Олег взял оглобли под руки. Дерево было еще теплое, отполированное женскими руками, трещины темнели коричневыми сгустками крови – сколько женщин разодрали ладошки в кровь?

Обрин что-то крикнул, на Олега обрушился удар бича.

– Оглох?... Трогай, раб!

Сцепив зубы, Олег потянул нагруженную телегу. Обрин покрикивал, щелкал бичом над головой, но не бил: Олег места знал, напрямик через кусты не ломился, телегу не трясло. Олег мотал головой, оберегая глаза от мелькающих веток.

– Быстрее! – крикнул обрин.

Олег прибавил шаг. Рассохшаяся телега скрипела, колеса шатались, спицы потрескивали. Он бежал, высматривая сухую дорогу, свободную от валежин, пеньков. Под ногами сочно трещали стебли папоротника, подошвы скользили на грибах.

– Еще быстрее!

Деревья замелькали чаще, он едва успевал высматривать чистый путь, ибо дороги в этой части леса нет. Потому и поселился здесь – звериные тропки, странные дорожки, если кто и пользовался ими, кроме зверей, то разве что лешие, исчезники, чугайстыри.

Один обрин вдруг заорал пьяным голосом:

– Раб, гони на холм!

Плечи ожгло плетью. Он задыхался, жадно хватал ртом воздух. Перед ним протянулась поляна, заросшая сочной травой, слева – молодой ельник, а вдоль него шла звериная тропка на холм. Его называли еще Лысой горой – деревья срубили сотни лет назад, свели кусты, а на вершине поставили деревянное капище и трехсаженного Сварога из старого темного дуба. После прихода обров там теперь пепелище и кости волхвов...

Он чуть пришел в себя, пока тащил через ровную как стол поляну. Перед холмом разогнался – земля сухая, каменистая, с разбегу потащил телегу. Дорога поднималась покато, но вскоре тяжесть начала тянуть назад.

– Гони! – визжал обрин.

Оглобли выскальзывали, мокрые от пота, в глазах темнело от прилива крови, в ушах стучали молотки. Олег потащился шагом, хрипя и налегая на оглобли из последних сил. Оглобли дергали из стороны в сторону, подбрасывали.

Сзади свистели, визжали. Плечи ожгло. Обры спорили, вырывали бич у возницы, но не из жалости к человеку-лошади – каждый хотел бить, видеть клочья человеческой кожи, вспухающее мясо, брызги крови.

Задыхаясь, он дергал телегу, упирался изо всех сил, наклонился так, что почти скользил лицом по земле. В груди хрипело, воздух врывался в горло с жестяным свистом, перед глазами плыло. Плечи чувствовали обжигающие удары, но помнил только одно: не упасть. На вершине холма будет отдых.

Лохмотья уже второй за день рубахи свалились. Солнце жгло больно, громадные оводы жадно облепили плечи и спину – там текла сукровица, вспухли толстые рубцы. Обрин вдруг захохотал, с азартом принялся стегать бичом:

– За скотом надо присматривать!.. Его загрызут мухи, если не заступиться! – И от хохота едва не выпал из телеги.

Под ногами Олега осыпались камешки. Запах гари доно-

сил ся такой, словно капище сожгли вчера, а не месяц тому назад. Обрин с наслаждением вытянул его во всю длину бича, прибив пару оводов. Олега перекосило от боли, однако телега уже вытащилась на вершину Лысой горы. Обрин рывкнул, велел остановиться. Олег рухнул без сил. Обры слезли с телеги, заговорили – с вершинки видно пять весей дулебов, петлю реки, две старицы и крупное городище, где раньше жил вождь дулебов со своей малой дружиной.

Олег задыхался, воздуха не хватало. В горле сипело, перед глазами стоял красный туман. Обры что-то говорили между собой. Он слышал только гортанные звуки, грубый жестокий смех – странный народ, пришел неизвестно откуда, с неслыханной жестокостью покорил дулебов – мирное, кроткое племя славян. Истребили старейшин, волхвов, надругались над женщинами. Не было у обров большей потехи, чем запрячь в телегу молодых женщин и поехать к друзьям на пир. Женщин ставили в конюшни к лошадям, только обращались намного хуже, чем со скотом. Издевались так гадко, что даже Олег однажды смутно удивился: что за народ славяне? Почему терпят?

Дружный хохот заставил повернуть голову. Среди обгорелых бревен, раскиданных головешек взвилась черная пыль: поднялся упавший пьяный обрин – в пятнах копоты, злой. Трое хохотали, хлопали друг друга по плечам. Четвертый, не отряхиваясь, подошел к Олегу, дал сильного пинка:

– Поехали в село, раб!

Его друзья с готовностью забрались в телегу. Олег поспешно ухватился за оглобли. Ноги еще дрожали от усталости, а когда взглянул вниз, сердце похолодело. Заставят бежать вскачь, а телега тяжелая. Понесет – костей не соберут, ежели с разбегу да на дерево.

Он почти не помнил, как и куда спускал телегу. Смутно удивился, когда на плечи обрушился жгучий удар, а страшный голос проревел:

– Стой, раб! Приехали.

Он без сил повалился в дорожную пыль. Мучительно ныло исполозованное тело, кровоточащие ссадины запорошило серой пылью, оводы и слепни взвились со злым жужжанием и тут же упали обратно, спеша захватить места на ранах. Краем глаза видел в двух шагах бревенчатую стену, но не было сил повернуть голову.

Обры слезли, один грубо попинал носком сапога лежащего без сил человека:

– Эй, раб! Теперь буду ездить на тебе.

Другой предложил веселым голосом:

– Устрой состязание с Кроманцолегом! Клянусь кобылицей Большого Тумана, еще так не ездил. Пусть хан выставит своего знаменитого жеребца, а ты этого раба. Клянусь сосками небесной Кобылицы, я поставлю на раба.

Обрин оглянулся, смерил взглядом распростертого в пыли Олега – в темных пятнах от смешавшейся с кровью пыли. Поколебавшись, бросил жестко:

– Эй, раб! Послезавтра побежишь против скакового жеребца. В телеге, как и он. Если обгонит – умрешь немедленно.

Ноги обрина исчезли из поля зрения. Олег услышал другие голоса, не разобрал слов из-за своего хриплого дыхания, затем донеслось властное:

– Ты пещерник, значит, смерти не боишься. Но умрут и женщины этого села. Плохо умрут. Очень медленно и очень плохо.

Олег с трудом согнул ноги, уперся дрожащими руками в землю, встал. Его качнуло, он стиснул зубы, удержался. Улица дергалась, перед глазами плыло, качалось. Он повернулся, с огромным усилием потащился обратно к стене леса, скорее чувствуя ее влажное дыхание, чем видя.

Когда пробирался через кустарник, в голове прояснилось, а перед глазами перестали вспыхивать огненные мухи. Он заглушил боль в мышцах, спине – все пройдет, и боль, и жажда, и усталость. Надо отстраниться, здесь не искать. Ведь все, что видим и чувствуем, знаем, все то, что называем этим белым светом, – лишь тень от Настоящего мира, в который он вот-вот прорвется. Люди рождаются, живут и умирают в этом плоском мирке, так и не познав Настоящего, не заглянув за край. Лишь самые стойкие из подвижников заглянули, если верить слухам, в тот мир, обрели бессмертие, стали богами! А он всегда был стойким. И к цели шел прямо, не отвлекаясь.

Его шатало, но – силы постепенно возвращались, шаг выравнился. Исхлестанная спина немилосердно зудела, кровь застывала коркой, изорванная кожа под ней стягивалась в целое. Он чувствовал, как вспухшие рубцы опускаются, рассасываются.

Он еще только подходил к поляне, когда тяжелое предчувствие заставило ускорить шаг. Поляна вытоптана, над трупом девушки возятся с утробным рычанием два волка. Один равнодушно взглянул, продолжая тянуть кишку из разгрызенного живота – пещерника оба знали, – второй злился, взрыкивал сквозь сжатые зубы: не мог оторвать измочаленную грудь, хотя упирался лапами изо всех сил.

Олег прошел мимо, чувствуя странное бессилие. У входа в пещеру синели распластанные на его сушильном камне внутренности убитого лося. При его приближении со злым жужжанием взвился рой жирных зеленых мух. Такие же огромные толстые мухи облепили щедрую россыпь конских каштанов у входа в пещеру. Из пещеры несет кислой вонью – туда заходили оправляться человек пять-шесть здоровых мужчин, судя по мощному запаху.

Олег сел на пенёк в сторонке от входа. Загажено, вытоптанно, испакощено – но мудрому здесь помехи нет. Нагажено – уберет, испорчено жилище – проживет без оногo. В этом плоском мире, тусклой тени Настоящего, его ничто не обидит и не заденет – он выше. Да, выше, однако тело живет пока здесь, в одном мире с этой убитой девушкой, загаженной

пещерой, воинственными обрами, которые восхотели ездить напрямик через эту часть заповедного леса. Если обры будут терзать его и дальше, то он не сможет непрерывно думать об Истине, пытаться проникнуть мыслью за край!

Медленно солнце опустилось за вершины деревьев, всплыла луна, небо потемнело, и высыпали крупные звезды. Затем луна ушла, звезды поблекли на светлеющем небе, на востоке начала шириться сверкающая полоска, а он все сидел – утренние птички принимали за огромный валун, а белка даже пыталась грызть у него на плече сосновую шишку. Такие же тяжелые, как валуны, мысли ворочались в голове, и Олег чувствовал странное облегчение – ощущение человека, который отыскивал оправдание, дабы увильнуть от тяжелой работы, ухватившись за ту, что легче.

– Я вынужден прервать отшельничество, – проговорил он вслух, вслушиваясь в собственные слова. – На время! На самое короткое время. Я просто вынужден выйти в этот простенький мир...

Стараясь не наступать в дерьмо, он вошел в грот. Пещера была небольшой, свод невысокий, с нависающими острыми глыбами – ходить приходилось, втягивая голову в плечи. У левой стены было узкое ложе из огромного плоского камня. По преданию, на нем спал богатырь Скиф. При желании можно было даже углядеть ямки от локтей, но Олег лишь улыбнулся, когда впервые услышал такое, – он знал, как и на чем спал Скиф, сын Колокся, внук Таргитая.

Тяжело вздохнул, нагнулся, крепко ухватился снизу за камень. Мышцы напряглись, кровь бросилась в лицо, страшно вздулись вены. Он хрипло застонал, жилы трещали от натуги. Камень звучно чмокнул, отрываясь от земли, ноги Олега обдало могильным холодом.

В последнем усилии он поднял каменное ложе, поставив на ребро. В глубине выдолбленной в камне узкой домовины холодно блеснуло длинное лезвие булатного меча. Рядом виднелся короткий парфянский лук, составленный из широких костяных пластин, под ним угадывалась полоска праха от истлевшей тетивы. В углу выдолбленной щели лежали два мотка запасной тетивы. Олег коснулся пальцем – рассыпались в серую пыль.

Глядясь в лезвие меча, он перво-наперво укоротил волосы. С холодного харалуга – в этих краях именуемого булатом, а еще севернее зовущегося сталью – на него смотрело хмурое лицо исхудавшего мужчины. Без бороды он выглядел особенно изможденным, но распиравшие кожу кости были широкими, их опутывали сухие жилы, крепкие, как просмоленные канаты на баллистах ромеев.

Олег вышел из пещеры, выпрямился во весь рост, – а он был выше самого рослого из обрвов. Грудь была широкая, как наковальня деревенского кузнеца, а руки длинные, жилистые. Левая чуть толще, грек бы сказал, что пещерник подолгу упражнялся с мечом, вот мясо иросло, но даже грек не определил бы, что пещерник одинаково владеет обеими

руками. А кто определил, тот уже никому не скажет.

Швыряльным ножом выстрогал короткое копье, насадил поржавевший наконечник. Когда на поляну беспечно вышел молодой олень, Олег сказал тихо:

– Прости, брат...

Копье ударило с такой силой, что острие вышло с другой стороны. Олень упал, забился, взрывая землю копытами и рогами. Его крупные глаза с укором и непониманием смотрели на подходившего пещерника – тот раньше всегда давал ему сочные листья, гладил, говорил ласковые слова, выбирал колючки.

Олег поспешно перерезал молодому зверю горло, на глазах у него закипали слезы. Кровь брызнула тугой струей, стебли травы протестующе закачались, стряхивая с листьев алые капли. Волки уже затаскивали в кусты труп девушки, но вмиг оглянулись, чуя свежую кровь, их уши поднялись.

– Прочь, – сказал Олег.

Голос вернулся к нему после многолетнего молчания, и волки сразу ощутили превращение мирного пещерника во что-то другое, опасное. Один попятился, другой попытался оскалить зубы. Но Олег тяжело шагнул к ним, и оба проворно исчезли в кустах.

– Кажется, надо закопать, – проговорил Олег в раздумье. – Или сжечь? Не помню, как принято у дулебов. И не надо говорить вслух, я не принимал обет учить человеческой речи зверей и птиц!

В этот день он впервые за последние годы ел мясо. Голова закружилась от непривычной сытости. Он вдруг ощутил настоящий звериный голод, унижающий человека, тем паче пещерника. Затем вырыл яму, закопал обезображенный труп девушки, сверху навалил камни и валежины, чтобы зверье не растаскало человечески кости.

Ночью он дважды просыпался, движимый непонятным голодом, ел остывшее мясо. Рано утром развел жаркий костер, поджарил мясо на углях, наелся и снова ощутил забытую тяжесть в желудке. В его руки и тело возвращалась недобрая, усердно заглушаемая все эти годы сила.

Глава 2

Когда солнце поднялось высоко, он услышал далеко за деревьями сердитые крики, женский плач и надсадный скрип старой, рассохшейся телеги. На его изгаженную поляну одна за другой вышли женщины – тащили телегу. Одна была брюхатая, лицо ее побелело, она дышала с хрипами. На телеге сидел на передке старый мужик, грузный и неповоротливый. Кнут его постоянно щелкал, но плечи женщин пока были целы. Лишь одна захлебывалась слезами, а через руку у плеча опускался багровый вспухший рубец.

Мужик заорал, едва завидел еще издали Олега на пороге пещеры:

– Раб! Тебе было велено сегодня явиться к обринскому терему!

Олег медленно поднялся на ноги. Он все еще с трудом находил слова, но слова его падали тяжелые, как валуны:

– Иди и скажи... Я пещерник. В мирскую жизнь не вмещаюсь. Пусть и меня оставят в покое.

Мужик ахнул, соскочил с телеги с неожиданной для его грузного тела легкостью. Кнутовище он держал как копье, так и попер на пещерника.

– Ты... ты разумеешь, что глаголешь?.. Обры здесь хозяева!.. Кто им смеет противиться?.. Иди, а то всю нашу весь сожгут, народ изничтожат. Иди добром, говорю...

Он раскрутил кнут, с яростью бросил вперед длинный конец. Олег быстро шагнул навстречу, перехватил кисть, и кнут выпал из онемевших пальцев войта. Олег сжал сильнее, услышал слабый хруст костей. Войт завизжал тонким бабьим голоском, рухнул на колени. Олег поднял его за шиворот, другой рукой цапнул за пояс, поднял и швырнул в телегу.

– Иди и скажи, – повторил он. – Я не вмешиваюсь. Не трогайте меня.

Женщины с плачем потащили телегу обратно. Войт выл, катался в сене, грозил карами. Олег опустился на пень, погрузился в тяжелые думы. Оставят ли в покое?

Обычно завоеватели ломают сопротивляющихся, но храмы не трогают, волхвам не вредят. Вовсе не замечают пещерников, пустынников, столпников, юродивых. Те не от мира сего. Они живут в другом мире, лишь тела влачатся еще здесь, запаршивленные, в коросте, жалкие.

Он задумчиво потрогал подбородок. Внезапно рука отдернулась. Непривычно. Не потому ли сбрил бороду, что за нее часто хватают чужие руки, чтобы рывком вскинуть голову вверх и ударить по горлу?..

Он начал вслушиваться в себя, погружаясь в темное оцепенение, услышал шорохи, голоса, далекий зов. Голос показался незнакомым, но чем дольше Олег вслушивался, тем больший страх заползал в душу. Это был его голос. Глубокий, скорбный, нечеловеческий.

Олег потряс головой, не желая слушать. Голос вещал

правду, голую правду, а когда человек к ней готов?

Он знал, что он – самый большой трус на свете. Он панически боялся погибнуть. Боялся боли. Становилось дурно, когда смотрел на молодецкие забавы, кулачные бои. Увидев человека со шрамами, холодел от ужаса так, что подгибались ноги. Воображение рисовало картину залитого кровью лица, он словно чувствовал боль, сердце начинало стучать чаще, а ноги сами уносили в лес, где он был в безопасности.

Только отчаянный трус мог додуматься не позволять даже ударить себя. Смелые парни могли получать по роже – как с гусей вода, сплевывали кровь с разбитых губ и дрались дальше, а он не мог, не мог!

– Я не хочу! – вскрикнул он. – Опять кровь, убийства, пожары?.. И в конце концов такая мучительная смерть?

Внезапно еще один голос прорвался из небытия в его мозг. Совсем другой – нечеловечески мудрый, ясный. Олег опустил веки, во тьме заблестали искорки на обнаженных мечях, проступили неясные фигуры, озарились слабым трепещущим светом. Олег видел, как с телеги сбросили войта, тот ползал в ногах хмурых обров, что-то верещал, вскидывал руку со сломанной кистью. Несколько обров бросились седлать коней. Вот уже ворота распахиваются, выезжают трое... нет, четверо... пять человек.

В глазах потемнело, видение исчезло. Олег попытался встать, но услышал другой голос – тоже ясный, мудрый, но уже строгий, властный. Высветилось крупное лицо: бледное,

с запавшими глазами. Донесся слабый голос:

– Брат... что случилось?

Олег крепко зажмурился, разом открыл сознание: Свет мгновенно исчез, была долгая темнота, затем голос сказал потрясенно:

– Да, я увидел все, благодарю. Но ты не должен уходить с ясной дороги! Ты был один из Семи, теперь отступник, а скоро станешь простым смертным!

– Я не мог! – ответил Олег.

– Мог... Даже на плахе мудрец может мыслить мудро! Ты самый молодой из Семи, твое юное сердце не выдержало...

Олег молчал, ибо шестеро бывших братьев по Совету в этот миг и так через его глаза видели обрыв, пожары, кровь, девушку с перерезанным горлом. Мудрецы живут в недоступных горах, пустынях, размышляют о путях человечества непотревоженно. Под их незримым руководством создаются и рушатся империи, строятся города, возникают новые народы, а старые исчезают бесследно – человечество крохотными шажками двигается к Свету, постоянно оступаясь, попадая в ямы, тупики, а то и скатываясь к подножию горы.

– Ты слишком близко от людей, – донесся печальный голос. – Видишь их боль... Тебе нужно уйти немедленно. В горы. Надо видеть не отдельных людей, а народы. Для народа страдание бывает очищающим лекарством... Беда пробуждает от спячки...

– Народ состоит из отдельных людей!

– Когда смотришь с очень высокой горы, а в Тибете высокие и холодные горы, то видишь всю землю разом. Видишь движение народов, видишь Добро и Зло. Но даже Зло надо иногда оставлять, потом оно принесет немало Добра...

– Мы не можем видеть одно будущее! – возразил Олег.

– Да, видим сразу несколько... на выбор. Но выбираем, лепим, строим! Наш опыт позволяет решать за целые народы... Твоя беда, что живешь рядом с людьми. Их стоны поколебали бы даже нас, а ты – самый молодой и горячий...

Это я-то горячий, подумал Олег хмуро. А ему кажется, что в жилах течет вместо крови вода подземной реки мертвых.

Голос сказал настойчиво:

– Уходи сейчас же. Мы дадим тебе направление... Будем ждать в наших горах.

– Сегодня уйти не смогу, – ответил Олег.

– Наша связь слабеет, разве не видишь? Ты уже потерял половину своего Дара. Если не поднимешься над видимым, то связь оборвется вовсе. Ты уже не один из Семи Тайных Мудрецов, но ты все еще Вещий, ты не простой весянин... Но, покинув пещеру, покинув поиски Истины – станешь им...

Голос ослабел, пока не затих вовсе. Олег открыл глаза, перед ним была каменная стена. Да, он опустился так низко, что уже не видит весь Белый Свет, а только эту пылающую в пожарах и битвах землю. Если падение не остановить, то

завтра увидит уже не землю, а лишь эту весь... Но большинство людей вообще видят только свой дом, свою семью, свой огород. Они совсем не мудрые, верно. Им лишь бы спасти семьи, детей, а соседи пусть спасаются сами. Они трусливые и невежественные. Злобные и коварные. Подлые... Но все-таки люди. Подлые, ибо не научились благородству. Глупые, ибо не видят пути к мудрости. Дерутся друг с другом, ибо не подсказали им, что все – родня, что, убивая другого, всякий убивает частицу себя...

Он услышал резкий топот множества копыт. Со стороны веси на поляну галопом выметнулись вооруженные всадники. Впереди мчался крупный молодой воин, булатный шлем блистал, кольчуга позванивала крупными кольцами. За спиной звякал щит, справа на поясе висел короткий меч, слева вспыхивал длинный узкий кинжал – признак десятника.

Воин поднял коня на дыбы перед остатками костра, крикнул звонко:

– Пещерник уже ест мясо?.. Распять его на ближайшем дереве.

Сзади на Олега прыгнули с коней двое обров, прижали к земле. Десятник крикнул, в его руке блеснул обнаженный меч, и Олега потащили через поляну к толстому приземистому дубу. Остальные соскочили с коней, гурьбой двинулись следом. Гортанные голоса звучали разочарованно.

– Распять и сжечь вместе с деревом, – добавил десятник. Один из обров послюнил палец, поднял, пробуя ветер:

– Огонь понесет в сторону веси... Как бы не выгорела.

– А нам что? Уцелевших заставим срубить нам хоромы на новом месте. А сами пусть живут в норах.

Пещерника поставили спиной к дубу. Обрин подошел, потряхивая дорожным мешком, выудил два железных штыря, второй обрин принес тяжелый кузнечный молот. Олег поднял голову – на него смотрели дикие звери: кабаны, волки, медведи, рыси, шакалы. О двух ногах, с виду вроде люди, лишь по личине люди, а внутри – звери лютые. Двое зверей прижимали его руки к дубу, больно выворачивая лопатки. Обрин с молотом крикнул нетерпеливо:

– Поверни ладони, раб!

Олег не двигался, с горечью всматривался в лица. Обры попытались разжать его кулаки, один с силой ударил коленом в живот, наконец гаркнул:

– Да забивай выше! Если в ладони, то сорвется.

– Не сорвется. Позавчера так распяли одного.

– Этот тяжелее!

Олег ощутил холодное прикосновение штыря. Обрин ткнул острым концом ему в кисть, держал на вытянутой руке, опасливо глядя на обрина с молотом:

– Гляди не промахнись, дурень!

– Не бойсь. Раз по пальцам, раз по... другому месту. Держи крепче!

Олег встретился взглядом с глазами десятника. Тот наклонился с коня, в лице было наслаждение, рот приоткрыл-

ся. Поймав взгляд пещерника, он сказал почти ласково:

– Ты будешь умирать очень медленно. Мы это любим.

Обрин с молотом широко замахнулся, на его толстых губах мелькнула улыбка – видел страх в глазах приятеля, что держал штырь. Олег страшно взвизгнул, обры на мгновение оторопели, застыли. Его рука метнулась вперед, кости молотобойца хрустнули, другой рукой Олег ударил в глаза того, кто все еще держал штырь. Двое, которые только что выворачивали ему руки, едва начали приходить в себя, как один согнулся от удара ногой в пах. Олег выдернул у него из ножен меч, успел вскинуть над головой, защищаясь от меча обрина, который раньше держал левую руку.

Они обменялись двумя ударами, но обрин был слишком потрясен, и острое меча с хрустом рассекло ему переносицу. Он закричал и рухнул на колени, выронив меч и ухватившись обеими руками за кровоточащую рану.

Олег повернулся к десятнику, который с трудом удерживал испуганную лошадь:

– Ты можешь вернуться. Скажи, пусть меня оставят в покое.

Десятник был белым, губы тряслись, но рука привычно выдернула меч, он закричал срывающимся голосом:

– Я воин! Я убивал врагов десятками!... Я бросал горы трупов...

– Не хвались, на рать идучи, – ответил Олег горько, – а хвались, идучи с рати... Горы трупов женщин и детей?

Десятник завизжал, пустил коня вскачь. Олег отпрыгнул, отбил удар меча. Десятник быстро приходил в себя, руки перестали трястись. Он уже смотрел прицельно, бил точно, а конь поводьев слушался.

Второй раз Олег отпрыгнул, но кончик меча чиркнул по голому плечу. Улыбка десятника стала шире, глаза заблестели. Тонкая струйка крови пробежала по руке Олега, с локтя сорвались частые алые капли.

Олег пригнулся, всем видом показывая, что прыгает под коня и распорот брюхо. Десятник свесился далеко влево, пытаясь достать пещерника, мечи с лязгом сшиблись, другой рукой Олег ухватил врага за край кольчуги, и конь освобожденно пронесся дальше.

Десятник гулко ударился о землю. Олег опустил саблю, однако десятник прыгнул прямо с земли – глаза вытаращены, зубы хищно блестят. Олег парировал удар, тут же ударил сам, отвернувши в последний момент лицо, чтобы не видеть, как острое железо крушит человеческие кости.

Его трясло, дыхание вырывалось из пересохшего горла с жестяным стоном. Руки дергались, губы прыгали. Он торопливо ходил кругами по поляне, унимая дрожь, отводил глаза от убитых и умирающих. Повезло, что застал врасплох, иначе пятерых не одолеть – давно не держал в руках смертоносного оружия.

Он потрогал одного ногой:
– Жив, не притворяйся.

Обрин молчал, Олег приложил острое меча к его горлу. Капли крови стекли по лезвию, побежали по незащищенному горлу и образовали лужицу в ямочке между ключицами. Обрин открыл глаза, прохрипел:

– Тиамат... Прими меня в свой мир...

Изо рта у него хлынула кровь. Олег вынес из пещеры чистые тряпицы, быстро смастерил лубки, вложил сломанную руку и крепко привязал. На рану в плече наложил лечебных листьев, примотал чистыми лентами. Насильно заставил выпить горький отвар, сказал:

– Я волхв, умею лечить. Ты приедешь к своим, скажешь, что я – пещерник, который хочет, чтобы его оставили в покое.

Он забросил обрина поперек седла на самую смирную с виду лошадь, хлестнул по толстому крупу. Лошадь тронулась, а когда скрылась за деревьями, до слуха Олега донесся учащающийся топот: обрин перестал притворяться умирающим, схватил поводья.

Олег вернулся на свой камень, где вот уже несколько лет встречал рассвет в лесу. Трава на поляне вытоптана, изломаны стебли, блестят капли сока. По краю бродят кони: шумно срывают молодые листья с кустов, под копытами хрустят прошлогодние сосновые шишки, расклеванные птицами. Пахнет свежепролитой кровью, а за кустами, в глубине, уже началось осторожное шевеление. Ветки явора закачались под налетевшими воронами. Из четырех обров один

был еще жив, но жизнь вытекала с последними каплями крови. Он изо всех сил терпел боль, прикидывался убитым, дабы обрадованный враг не бросился глумиться над живым: сдирать кожу, выкалывать глаза – кромсать ножом мертвого не так сладко. Олег чувствовал печаль и горечь. Уходит из жизни человек. Он не только не видел Настоящего мира, для которого рожден, но и своего плоского не успел рассмотреть! Вышел из тьмы и ушел во тьму.

Вечером Олег подстрелил молодого кабанчика. Очищая собранные мечи от застывшей крови, посмотрелся в лезвие, удивленно покрутил головой. Изможденное лицо прямо на глазах теряет смертельную бледность, исчезли провалы щек, на глазах округляются плечи. В который раз с великим трудом вскарабкался почти к вершине, откуда рукой дотянуться до Настоящего, но как быстро скатывается к подножию в простенький мир, где удар мечом или пущенная стрела служат самым веским доказательством правоты! Уж не про него ли придумана притча, в которой человек безуспешно тащит на вершину горы огромный камень?

Обры – воины-звери, подумал он, воскрешая старые клички. Для них сильный как бык, храбрый как лев, лютый как волк – не слова из песни кощунника. Они подражают зверям, изо всех сил – на беду, довольно успешно – стараются превратиться в зверей. Поедая убитого хищника, принимают его повадки, ибо мощь и душа зверя обязательно пере-

ливаются в их тела. Ритуал поедания почти убитого противника у обров привел к воинскому людоедству, как случилось во многих племенах: голову на отрез, еще у живых противников пожирают печень, пьют кровь.

Они подражают зверям в походке, надевают шкуры, украшают себя клыками и когтями убитых зверей. Полагают, что обладают неуязвимостью, если впадают в бешенство в бою, отбрасывают щиты, а на противника бросаются с неистовой яростью, с криком, воем, пеной на трясущихся губах. Это приводит в оцепенение жителей веси, нагоняет страх на противника, если тот сам разъярен недостаточно или не жаждет окрасить меч в крови. Но если человек не дрогнет, выдержит первый бешеный натиск воина-зверя, что тогда?

Олег посмотрел на свои ладони, сжал и разжал пальцы. Обры – не просто одно из племен, которое, как и другие племена, как и он сам, блуждает в полумраке, отыскивая дорогу к свету. Обры – племя, стремящееся во тьму, старающееся приблизиться к зверю, изо всех сил гасящее ту искру божественного огня, которую зажег в людских душах великий Род. Значит, обры – его враги. Не враги его народа, здесь все народы – осколки его племени, а враги его души...

Он запоздало и с некоторой досадой напомнил себе, что все племя не может стремиться к свету, как не может стремиться и к мраку, а обры вряд ли племя, скорее, тайное или явное воинское сообщество, братство, какие часто встречал у разных народов. Например, хатты с железными ошейника-

ми, что странным образом из знака бесчестия превратились в знак чести. Олег напряженно размышлял, но руки уже работали, умело выпарывали из убитого оленя жилы, сдирали слизь, натягивали... Он сам удивился, как работали умело, словно он и не провел долгие годы в уединении, безмолвии, в тягостных раздумьях об Истине.

Вскоре две новые тетивы были готовы: одна на лук, другая в запас. Предыдущие истлели, пока он искал Истину, но не заржавел грозный двуручный меч – когда-то назвал его Последним Криком. Он не помнил, когда пришел обычай давать мечам имена, но уже у Таргитая был такой меч. На мече клялись, меч был признаком свободного человека, боги вовсе не расставались с мечами. Даже новый пророк заявил, что не мир он принес, а меч, а если у кого нет меча, то пусть продаст плащ свой и купит меч. Но ведь еще Таргитай, ныне Сварог, пытался перековать мечи на орала! Поторопился певец...

Олег нахмурился, раздраженно повел лопатками, поправляя меч за спиной на перевязи. У него просто меч. Просто двуручный меч, у которого не может быть имени, ибо он, Олег, давно не волхв, не боец, а мирный пещерник, мучительно отыскивающий Истину!

Он дремал, привалившись спиной к стене, когда в сонных видениях появилось бледное лицо, он слышал голос. Свой собственный голос, ибо его душа, свободная от мирских забот, понимала, знала, еще дальше заглядывала в грядущее.

Олег не все понял из смутного видения, но в груди возникла тянущая пустота, а в животе ощутил холод, словно проглотил кусок льда. Он падал с рассеченной головой, на него обрушивались топоры с широкими лезвиями. Потом его привязали веревкой к коню, потащили труп по земле – тело подпрыгивало на выступающих корнях, камнях, оставляя клочья кровавого мяса на острых сучках валежин... Мелькнула его пещера – обры садились на коней.

Восход солнца застал его спускающимся из леса к терему. Он был в холщовой рубаше, на широком поясе висел Последний Крик, за плечами торчали лук и колчан со стрелами. Лицо было темным, как грозовая туча.

Олег прокрался задами, перебегая от сарая к сараю. Открытые места проползал, прижимаясь к земле, замирал при каждом шорохе. Шум, звон железа и ржание коней доносились от самого высокого терема. По узкой улочке между хатками часто проносились всадники.

Ворота терема были распахнуты, туда по двое-трое въезжали вооруженные обры. Кони были под попонами, обры захватили тяжелые топоры, у некоторых вдобавок к седлу были приторочены длинные копья, широкие щиты, шестоперы и палицы, утыканные шипами. У коновязи уже грызлись и обнюхивались четырнадцать оседланных коней.

Ворота терема отворились. Все повернулись к вышедшему на порог тучному человеку в расшитом халате, и Олег незаметно перебежал к самым воротам во двор. Толстый жи-

вот обрина вываливался поверх широкого шелкового пояса, лицо блестело от жира. Во дворе затихло, всадники перестали горячить коней, вытянули шеи.

– Воины! – крикнул толстяк неожиданно тонким визжащим голосом. – Вчера погиб десятник Дермадуп, вы его знаете как храброго воина. С ним остались еще четверо отважных... Убил их всех пещерник, который живет в том лесу!

Один из всадников закричал зычным голосом, побагровев от собственного рева:

– Откуда известно, что убил пещерник? Может быть, восстали дулебы?

– Один из раненых сумел спастись, – объяснил толстяк в халате. – Правда, ночью ушел в мир Большой Кобылицы... Он рассказал все и поклялся на своем оружии.

– Которое он позорно бросил в лесу, – хмыкнул недоверчивый воин. – Кто этот пещерник? Великий маг?

– Колдовства не было, успокойтесь... Он убил умело, захватив врасплох. Пещерниками становятся не только слабые да увечные. Иной раз великие воины дают странные обеты... Разве не ушел в пустыню великий Сракотак, победитель дракона? Ушел в расцвете сил, отказался от руки дочери падишаха и от всего царства! Об этом поют самые трусливые из певцов, но даже они не понимают...

Другой воин, краснощекий, с ниспадающими на плечи волосами, вскрикнул:

– Если он был великим воином, то я первым сражусь с

ним!

Толстяк предостерегающе поднял руку. Лицо его было встревоженным, хмурым.

– Лучше забросайте дротиками издали. Убейте стрелами. Я не хочу терять людей. Нас пришла сюда сотня, а погибло уже восемь, если считать доблестно погибшими и тех, кто утонул спяну, упал с дерева, захлебнулся в блевоте...

Краснощекий заорал, надсаживаясь и выгибая грудь еще круче, словно петух на заборе:

– Я потерял счет битвам, как дурак десятник потерял счет бабам! К обеду все увидите его голову на моем копье. Я сам вырву его печень, съем сердце, а из черепа сделаю чашу и буду пить вино, лежа на животах дулебских женщин!

Он начал поворачивать коня от крыльца, и в этот момент Олег поднялся во весь свой немалый рост.

– Я принес свою голову сам, – заявил он громко в мертвой тишине. – Иди и возьми ее!

Во дворе все замерло. Толстяк застыл с открытым ртом, не двигались всадники с отважным сотником. Наконец сотник опомнился, крикнул торопливо:

– Это в самом деле великий воин! Как твое имя?

– Что в имени моем? – ответил Олег тяжело. – Вы потеряли пятерых, нарушив заповедь не трогать храмы и служителей, Искателей Другой Жизни. Повторяю: не трогайте меня! Я живу в лесу, питаюсь растениями. Ни во что не вмешиваюсь, хотя дулебы – это мой народ...

Сотник прервал, голос был подозрительным:

– Почему ты не со своим народом?

– Я с ним, – ответил Олег.

– Почему не воюешь? Не мстишь за убитых?

Олег вздохнул, не умея ответить. Око за око, зуб за зуб...

Когда-то и он думал, что только так справедливо, именно так честно, но потом ему открылось, а этим – нет. Беда в том, что даже взрослому трудно объяснить, чем плохо око за око, а как втолковать детям?..

– Я ищу другой путь, – ответил он.

– А найдешь? – поинтересовался сотник. Его пальцы сомкнулись на древке копья, чуть передвинулись, выбирая равновесие.

– Не знаю.

Улыбка сотника вдруг превратилась в оскал, глаза сузились.

– Таких, как ты, много... К счастью!

Он швырнул копье так резко, что всадники не успели даже проводить взглядами. Олег ожидал броска, качнулся в сторону, одновременно натянул тетиву:

– Таких, как ты, тоже много... на беду!

Стрела пробила железную пластину доспеха с такой легкостью, словно обрин был в полотняной рубахе. Оскалив зубы, он с воем ухватился за белое оперение, а три новых стрелы ударили в ближайших воинов. Четвертая достала толстяка, выбив зубы и вонзившись в раскрытый рот так, что

острие вылезло из затылка.

Олег успел выпустить еще три стрелы, воины с копьями шатались в седлах, иные пронзены насквозь, оставался еще один с дротиком, и Олег, отражая удары мечом, все время держал его в виду. Наконец тот метнул, размахнувшись так широко, что едва не упал. Олег подпрыгнул, одновременно ударил сапогом в чужое лицо, копье ловить не стал – метнуть не дадут, бешено завертелся во все стороны, бил мечом, ногами.

Двое всадников осадили коней, торопливо отвязывали от седел копья. Олег подхватил лук, взлетел на забор, побежал по торцам вбитых в землю бревен – в десятке шагов высился длинный сарай, к нему примыкали конюшня и кузня, а дальше общая крыша соединяла подсобные строения с теремом.

Мимо с шумом, треща расщепленным концом, пролетело короткое копьё. Олег с разбегу вспрыгнул на крышу сарая, пронесся на другую сторону, слыша, как прогибаются крытые гонтой доски, пробежал по крыше конюшни, перепрыгнул на терем – тот был всего на сажень выше.

Во дворе стоял крик, вертелись, как юла, всадники, дико ржали испуганные кони, трупы обрвов распластались в лужах крови. Олег с замирающим от страха сердцем повис на кончиках пальцев, цепляясь за скользкие дощечки на краю крыши – со двора могут поразить стрелами, а из окна терема легко пырнуть копьем в незащищенный живот!

От этой мысли стало так жутко, что пальцы начали разжи-

маться. Он поспешно качнулся, вышиб раму и ввалился в терем. Перекувырнувшись через голову, вскочил как остервенелый кот: оскаленный, лютый, готовый драться до последнего.

В горнице находились три женщины. Две старые, третья совсем молоденькая, с копной иссиня-черных волос. Обе старые карги завизжали так, что в ушах, привыкших к лесной тишине, заломило от боли. Юная красавица вздрогнула, закусила нежную губу. Ее неправдоподобно большие глаза быстро обежали его с головы до ног, остановились на плече, где была кровь.

– Тихо! – приказал Олег.

Старые женщины завопили еще громче. Одна люто размахивала ножом, другая, ковыляя, как хромая лошадь, теснила красавицу в глубь комнаты. Девушка ухватила маленькими пальчиками за рукоять разукрашенного кинжальчика, ее глаза тревожно блеснули.

– Всех зарезу, – пообещал Олег зловеще, – если не замолчите!

За дверью раздался приближающийся топот. В горницу с грохотом ворвались вооруженные обры. Их было четверо, но тут же стало трое. Когда еще один упал, зажимая распоротый живот, двое оставшихся получили простор и сразу пошли на Олега с двух сторон. Опытные, закаленные, они знали свои силы, верили в удачу и наверняка умели брать могучего зверя с боков.

Олег прыгнул к правому, но тут же не глядя ударил мечом назад. Там легко парировали – удар знаком, но оба противника не ведали, что пещерник знает нечто еще. Один осел на пол, пытаясь ощупать окровавленными пальцами разрубленную голову, другой прыгнул, выставив меч. Это был не обрин – вместо плоского лица с выступающими широкими скулами на Олега смотрело смуглое черноглазое лицо с хищным длинным носом и выпяченными губами. Лицо было узкое, как лезвие топора, даже одет противник был иначе: в просторный хитон, но мечом орудовал на удивление быстро и очень умело. Олег насел, стремясь покончить за два-три удара, ибо за дверью снова слышался топот множества ног.

Внезапно он услышал отчаянный девичий вскрик:

– Не убивай, это мой брат!

Олег успел повернуть меч плашмя, удар бросил обрина – или кто бы он ни был – на пол. Девушка кинулась к упавшему, переступив через умирающих, упала на колени. Олег перебежал в другую комнату, сшиб всем телом по дороге обрина, другого ударил о деревянную стену так, что затрясся весь терем, бегом пронесся через две светлицы и вдруг поразился наступившей тишине: далекие крики и звон оружия не в счет, оказывается, не слышно стало двух старух, что невыносимо визжали все время.

Сметая всех на пути, он ворвался в огромную поварню. Два тучных мужика пыхтели возле котлов, третий с недоумением прислушивался к отдаленным крикам, ржанию, зво-

ну железа. В двух огромных очагах жарко полыхал огонь, на широкой жаровне, раскаленной до вишневого цвета, ярко светились крупные угли.

– Не двигаться! – прогремел Олег.

Он сдернул с замершего мужика холстяной рушник, подхватил жаровню, отвернув от жара лицо, бегом вернулся в комнату. Навстречу уже бежали воины, в их руках зловеще блестели мечи и топоры.

Олег с размаху швырнул жаровню им под ноги. Горящие угли рассыпались густо, покатались, оставляя за собой дымящиеся дорожки. Сразу вспыхнуло желтое пламя, взвились тонкие струйки черного дыма. Один воин успел перепрыгнуть через пламя, но напоролся на меч Олега. Остальные прижались к стенам, начали осторожно продвигаться вперед, выставив перед собой мечи и топоры.

Все заполнялось дымом, сразу стало жарко, в горле запершило, а в глазах началась резь. Олег отступил обратно, захлопнув дверь и торопливо задвинув толстый железный засов. Повара исчезли, в углу мелко тряслась худая, как вобла, женщина с серым лицом.

– Уходи, – крикнул Олег. – Терем из сухих бревен! Предупреди соседей.

Женщина покорно выскользнула через боковушку. В дверь грохали тяжелым, доски трескали. В щель просачивался черный как деготь дым. Удары участились, за дверью орали, выкрикивали проклятия. Олег с мечом на изготовку бе-

гал по поварне, стучал рукоятью в каменные стены, топал, вслушивался изо всех сил, надеясь услышать гулкий ответ.

За дверью тяжело грохнуло, послышался топот убегающих ног. Олег зло оскалил зубы: не вытерпели, а ведь осталось два-три удара – дверь бы рухнула. Впрочем, в горле першит, глаза слезятся от дыма. Вот-вот вовсе задохнется, если немедленно не отыщет вход в подполье. Должен быть здесь, в поварне! Не тащить же в самом деле запасы издалека, проще поднимать снизу прямо к котлам, вертелам, жаровням...

Он бегал по кругу, кашлял, тер кулаками слезящиеся глаза. Стены скрылись за волнами густого дыма, он задышался от жара, волосы на голове потрескивали, а рукоять в ладони разогрелась, взмокла.

Внезапно, уже почти теряя от удушья сознание, он что-то ощутил под подошвой. Задыхаясь, упал на колени, подцепил ногтями утопленное в каменной плите засыпанное сверху сором, рыбьей чешуей и просто залепленное грязью железное кольцо. Кашляя, потянул плиту на себя, едва не задохнулся от пахнувшего холодного воздуха.

Не помнил, как скользнул в подвал. Каменная крышка бухнула по стене, отгородив от дыма, огня и сухого жара.

Не двигаясь, он пошарил правой рукой по стене. Уже бывал в таких подвалах: во всех племенах и у всех народов, детей Ария, в таких глубоких подпольях справа на уровне груди в стене делали неглубокую выемку...

Пальцы, скользя по плесени, коснулись деревянной по-

лочки, Олег невесело, но с облегчением улыбнулся. Даже в такой мелочи! Но родства не помнят, бьются остервенело.

Он взял кресало, быстро высек огонь и раздул трут. Красный дрожащий огонек осветил огромный подвал, вдоль стен тянулись бочки с квашеной капустой, моченой брусникой, засоленной рыбой. Бочонки вина?.. Нет, в этих краях пьют хмельной мед. Вот бочонок цветочного меда, вот гречишный, липовый, конюшинный... Два бочонка стоят отдельно – просто мед. Не хмельной.

Сверху через тончайшие щели в подвал потихоньку просачивался горьковатый запах дыма. Олег настороженно прислушивался к едва слышному треску. Терем полыхает вовсю, кто замешкался – сгорел. Вряд ли в такой суматохе успели вынести раненых. Впрочем, лучше думать, что раненых не осталось.

Олег сжал и разжал кулаки. Отвык, что они такие огромные. Не замечал. Скорее всего раненых не осталось.

Багровое жаркое пламя рвалось из терема в безоблачное небо. Густой черный дым завивался гигантским винтом, нес по кругу искры. Жар был таким, что никто не смел подойти к терему ближе чем на две сотни шагов, а к небу вместе с дымом взметывало горящие угли, головешки. Уцелевшие от резни дулебы, как жуки, карабкались на крыши своих хаток, спешно выплескивали воду из ведер на долетающие с ветром искры.

Обры согнали жителей веси, велели таскать воду, но пер-

вые же несчастные упали под прыгающими бревнами за-
мертво, не дойдя даже до ворот. Терем, сложенный из бревен
в полтора обхвата, выдержал бы осаду, но что могут люди,
когда гnevаются боги?

Вот последние бревна рассыпались под тяжестью рухнув-
шей крыши, взметнулся рой искр, и десятник Дупоглазрук
начал пересчитывать уцелевших. Погиб сотник, походный
шаман, три десятника и семнадцать воинов. Кто пал от меча
пещерника, кто, как жалкая крыса, задохся в дыму... Про-
клятый пещерник! Или местные боги мстят за угодного им
человека?

Бревна еще догорали, а Дупоглазрук поспешно поставил
оцепление в три ряда. Умелые лучники не выпускали луки
с наложенными стрелами, другие держали наготове копья и
дротики. Вот-вот из пылающих развалин выскочит человек
в горящей одежде – то ли злой демон, то ли чужой бог!

Когда бревна начали рассыпаться на угли, Дупоглазрук
велел собрать багры, растащить тлеющие остатки. Задыхаясь
от жара, шагая по щиколотку в горячем пепле, что при каж-
дом шаге вздымался серым облаком, забивая дыхание, жи-
тели таскали бревна, железные решетки, скобы.

Один из обров споткнулся о широкую каменную пли-
ту с толстым металлическим кольцом в середине. Дупоглазо-
рук засуетился, расставил троих опытных воинов вокруг
плиты, велел взять молоты.

– Он сгорел, – сказал с сомнением. – Наверняка сгорел!

Должен был сгореть. Но вдруг когда-либо якшался с хозяином этого терема? До того, как дурака скормили псам? И тот рассказал пещернику про свой тайный подвал?

Еще два десятка воинов встали вокруг широким кольцом, обнажив мечи. Лучники натянули луки, три силача вскинули над головами молоты. Дупоглазрук с трудом поднял плиту, на всякий случай отскочил, а один из воинов прикрыл его щитом. В подвале было темно, тихо, оттуда тянуло могильным холодом.

Гульчачак сидела на обрывистом берегу речушки, щеки были в черных пятнах сажи, дорогая одежда зияла дырами с опаленными краями. Морш лежал рядом, уткнувшись лицом в зеленую траву, морщился от боли. Голова его была перевязана, над ухом темнела грязно-коричневая корочка засохшей крови.

– Он выглядел как молодой див, – сказала Гульчачак, – как прекрасный джинн...

– Ты уже говорила, – напомнил Морш.

Он был жилистый, поджарый, с длинными мускулистыми руками. Темные глаза блестели из-под иссиня-черных лохматых бровей, нос длинный с горбинкой – никакое забрало не спрячет, губы пухлые, как у сестры.

– Говорила? Но ты сам не находишь его странным?

– Да. Это меня тревожит. Обры чересчур свирепы и бесчеловечны. Они потревожили пещерника. Даже обычный

человек рассвирепеет, когда бесчестят его женщин, может схватиться за меч. Почему же станет терпеть бог, если бесчестят храмы, убивают его волхвов? Однако я не вижу другого пути, чтобы утвердить нашу истинную веру. Повергая чужих богов, сжигая их капища и убивая волхвов, обры утверждаются в этой вере, которую мы принесли им!

– Обры все равно зачастую поклоняются своим ложным богам, – напомнила она строго. – Шаманов не изгнали!

– Все придет. Простой народ еще долго будет цепляться за божков. Это везде так.

Она поболтала маленькими ногами в воде, спросила с вновь вспыхнувшим интересом:

– Что ты можешь сказать про этого пещерника?

Морш угрюмо молчал. Гульча погладила его по волосатой руке, заглянула в глаза.

– Бывал в битвах, – сказал он медленно. – Наемник...

– Откуда видно?

– Защищая лишь свою весь, не обучишься искусству боя. Лучшие в мире лучники – парфяне, так вот он сгибает локоть, как парфянин, стрелы у него длинные, парфянские. Наконечник стрелы – расширенный и тяжелый. Но вот такого составного лука я еще не встречал!.. Однако о них есть упоминания в наших древних книгах. С ними явились в нашу страну свирепые северные скифы, с такими же луками должны прийти с севера страшные Гог и Магог... Его меч прямой и широкий, клинок в два локтя с пядью, да рукоять для двух

рук в три четверти локтя... Такие носили сарматы, самые свирепые воины, но где теперь сарматы? А меч – вот он! И дрался этот странный пещерник так, будто глаза вырастил и на затылке, а рук у него не две, а по крайней мере восемь. Это был великий воин, помяни мое слово, Гульча!

Имя звучало ласково, хотя ее звали не Гульча, даже не Гульчачак. Впрочем, Морша на родине тоже именовали иначе, но обры исковеркали их имена, приблизив звучание к своим, и оба миссионера не спорили, сами называли друг друга этими странными именами.

Вдруг ее огромные глаза вспыхнули на перепачканном лице, как звезды...

– Может быть... это переодетый сын падишаха?

Он равнодушно пожал плечами:

– Он может быть сыном падишаха, преступником, беглым жрецом, купцом, ремесленником. Однако я даю руку на отсечение, что о его делах мы слышали. Мир тесен, а певцы скитаются по всему свету. Этот не может быть знаменитым Ракоглазом – победителем дракона, – случилось давно, не может быть и доблестным Очкооколом – истребителем великанов...

– А Хлопстом, о котором часто поют?

Морш медленно покачал головой:

– Хлопста я видел, когда тот вернулся после победы над Югорской ведьмой. В кости помельче, глаза коричневые, черноволосый, а через левую щеку опускается глубокий

шрам. А у этого пещерника волосы как червонное золото, а глаза...

– Зеленые-зеленые, – проговорила Гульча. Она мечтательно вздохнула. – Как изумруды, как вода в океане... Что там в глубине? А лицо чистое, без шрамов. Он не воин?

Морш пробурчал:

– Может, привык на чужих лицах оставлять шрамы.

– Он погиб?

– Наверняка. Обры спустились в подвал, шарят там. Если найдут, он погибнет на месте. На этот раз за ним охотятся всерьез. А из подвала другого выхода нет.

Обры спускались в подвал осторожно, держа пылающие факелы в одной руке, мечи – в другой. Когда их скопилось внизу два десятка, в подпол слез десятник, а за ним еще тридцать воинов. Лучшие из лучших, они быстро и умело открывали крышки, тыкали копьями в квашеную капусту, переворачивали кадки, обшаривали все углы и все щели.

– Здесь его нет! – доложил один молодой воин торопливо, в голосе звучало разочарование.

Десятник, теперь он командовал уцелевшими из сотни, проговорил с великим облегчением:

– Значит, остался наверху в горящем тереме. Так и должно было быть – сюда отыскать ход совсем не просто.

Он напускал грозный вид, но внутри все холодело от страха. Хорошо бы захватить и распять на дереве, как велит обы-

чай, но как такого взять живым? Пусть лучше сгорит, не жалко. Это трусливое племя дулебов сжигает своих покойников, у них даже жены идут в огонь за мужьями, так что местные боги на этот раз не должны мстить за гибель своего волхва.

– Проверьте каждую щелочку, – распорядился он громким голосом. – Загляните под каждый камешек. В каждую мышиную норку!

Толкаясь, мешая друг другу, вооруженные до зубов обры начали перекатывать бочки, прислушиваясь к плеску пива и меда, выбивали дубовые затычки, пробовали мед и пиво, тыкали копьями – вдруг проклятый колдун обратился в рыбу, плавает?

Глава 3

Обливаясь потом, Олег сидел не шевелясь, прислушиваясь к грузному топоту над головой. Колени почти упирались в подбородок, между лопаток по спине текли теплые струйки, рубашка прилипла к спине. В обширном подполье, где хранились запасы еды и питья, осторожный хозяин прорыл вдобавок еще один тайный подвальчик на случай лихой годины – разбойные племена налетят, тиверцы придут с набегом, хазары ли вышлют отряд головорезов... Этот малый подвальчик в большом подвале был спрятан особо хитро. Не знай Олег о такой привычке дулебов, никогда бы не догадался и уже лежал бы наверху в большом подвале с разрубленной головой и чужие ноги топтались бы в лужах его крови.

Он отыскал эту потайную плиту, когда вверху уже поднимали крышку, успел увидеть свет факела, тот освещал лишь злобные лица, но не рассеивал тьму всего подземелья. Когда по ступенькам затопали тяжелые сапоги, он неслышно скользнул в тайник, бочка с квашеной капустой съехала на прежнее место, накрыв секретную плиту. Над ним топали, тыкали копьями, все осматривали и перетряхивали – мышшь не ускользнула бы. Изрубили капусту, рыбу вытряхнули на земляной пол. Рыбный рассол потек к Олегу через узкую щель. Встревожился было, но обры не заметили, а еще считают себя умелыми воинами!

Затем в подвал начали спускаться другие люди, хохочущие, нетвердо стоящие на ногах. Их голоса были громкие, кто-то даже затянул песню — унылую, как их степь. В тайник к Олегу доносились пыхтение, ругань, скрип сдвигаемых с мест бочек. Он прислушивался к шуму, веселью, считал, сколько раз над головой прогрехочет тяжелый гром: обрывы интересовали бочки с медом и пивом...

Много позже осторожно поднял ляду, прислушался, выбрался из тайничка в подвал. Запах гари полез в горло, защипало глаза. В подвале темно хоть глаз выколи, но вверху в черноте светится звездочка — верхняя крышка открыта, видно клочок ночного неба. Хорошо. Услышит заранее, если кто вздумает спуститься в подвал. Пока что лишь слышны в ночи пьяные песни, неблизко — шагах в ста.

Он прокрался на цыпочках, выставив перед собой руки. Тяжелый меч приятно оттягивал ремень на плече, за другим плечом был лук со стрелами. Олег нащупал ногой ступеньки, осторожно пошел вверх. На последней застыл, прислушиваясь. Когда-то его знали как вещуна, который может предвещать будущее, он и предвидел — пути народов, походы великих царей, падение империй, но никто не ведает, что ждет его завтра или даже сегодня за ближайшим углом!

Он долго прислушивался, ловил запахи. Ноги начали подрагивать, наконец ощущение опасности миновало, но в любой момент кто-нибудь из пирующих на просторе обрывов может подойти к открытому подвалу, заглянуть, а то и полезть

за медом. Олег легко выпрыгнул, пригнулся, расставив руки и готовый к схватке.

Над ним колыхалось огромное звездное небо, воздух был холодный, с сильным запахом гари. Под ногами хрустели головешки, луна пряталась за тучами. Он передернул плечами – свежо. Заскакивал в подвал, зная, что над головой три поверха огромного терема из толстых бревен, а вылез прямо будто в середине скифской Степи. На востоке над самым виднокраем серела полоска, будто черное небо какая-то сила отрывала от такой же черной как деготь земли. Эта сила звалась Белым Светом, что Род создал в первый день творения. Белый Свет могучим клином вонзился между землей и небесной твердью, победно теснил ночную тьму.

Ноги по щиколотку погрузились в теплый пепел. В стороне горел костер, ветерок принес пьяные вопли и запах жареного мяса. Олег прокрался к темнеющим силуэтам построек. Конюшня сгорела начисто, как и кузня, а ближайшие хаты зияли голыми балками крыш.

Глаза привыкли к скудному свету, он пошел скольльзящим шагом, как учил его Мрак, великий охотник и самый старый друг: под ногами не шелкнул ни единый древесный уголек. Сделав круг, он зашел к сидящим у костра с тыла, присел во тьме, начал всматриваться, вслушиваться в песни. Что за народ обры? Он видел многие племена и по одной пряжке мог сказать: крупное племя или нет, управляет вождь или старейшины, власть выборная или по наследству, каким бо-

гам поклоняются...

С содроганием понял, что обры – исключение из всех известных племен. Славянские ли кузнецы, скандинавские, германские или восточные – оружие куют, как цветок на клинке оставят, узор хитрый, а рукоять вовсе в облике прыгающего барса или грифона делают. А чеканка, отделка серебром и золотом шоломов, конской сбруи, поясов, ножен? Щиты – картины: василиски, птицы Сирин, полканы, разрыв-трава и цвет папоротника... А вот у обров мечи – плоские, мертвые, без узоров. Щиты – обтянутые кожей плетенки из лозы, чтоб меч, скользя по одной, тупился о другую. Ножны – только ножны, пояса – пояса, на шеломе, что на голове красуется – не на пне! – даже намек нет на узоры.

Он передвинулся, всматриваясь в пирующих обров до рези в глазах. Невероятно! Раньше был уверен, что такой народ не может возникнуть. Существует богами данная связь между человеком и тем, что мастерят его руки. По оружию, одежде, домашней утвари, по узорам, которыми народ украшивает их, Олег безошибочно узнавал, как работают головы и сердца, понимал характер, чуял горячую кровь или рыбью, видел умение уживаться. Бросив беглый взгляд на узор клинка или одежду, он уже знал, что ожидать от этого человека, не как воина, а именно человека...

Видя обров, содрогался.

Он попятился в темноту, его трясло. Он ощутил себя слабым, беспомощным. Неужто опять его ведет незримая сила,

более мощная, чем он сам? Нельзя остановиться, говорить с обрами, убеждать их, пробовать повернуть к Добру... Души обров поразило что-то ужасное, они черные внутри, и такой народ или племя, а скорее воинское братство, – обречены. А он обречен вести с ними бой.

Олег устало, словно нес на плечах горный хребет, потащился обратно в лес.

В пещере он долго и безуспешно звал Тайных. Да, он отступник, ибо оставил волховство, стал ведуном, ищет новые пути к Истине. Но из Семи Тайных ненавидит его только Фагим, глава Совета, с остальными удавалось мысленно общаться все годы. Они осуждают за отступничество, по-прежнему верят в старые пути, но все же общались!.. Или он сам настолько выпал в этот плоский мир, что утерял былую мощь, может общаться лишь, как и все здесь, криками и жестами?

Голова раскалилась от усилий, но под плотно стиснутыми веками он видел только черноту. Поплыли светлые пятна, потом – цветные, замелькали узоры, словно жилки на молодом листе, но всматривался напрасно – просто пятна, просто узоры, что исчезали, размывались, заменялись другими. Он ощутил слезы на щеках. Соленые как море, горькие.

Когда рассвет оттеснил ночь, Олег выбрел из пещеры на вершину холма, лег за огромным валуном, похожим на исполинский бараний лоб. Высоко в небе загорелись облака, подожженные стрелами Сварога, как совсем недавно горел те-

рем племенного вождя дулебов. Олег перевернулся, уткнул горячий лоб в холодную землю. Увы, Апия, мать-сыра земля, заботливо охлаждала жар своего дитяти, лелеяла по-матерински, но молчала. Богиня знала все ответы на старые вопросы, но жизнь уже мчалась новыми, неизвестными ей путями.

Над головой заверещали птицы. Наскоро почистились, упорхнули, трепеща от возбуждения крылышками, спеша первыми осмотреть трухлявые пни, стволы, муравьиные кучи. Поздняя пташка глазки продирает, а ранняя уже носик прочищает.

Он затащил ремень на плече, закрепляя перевязь с мечом на спине, неслышно побежал вниз к селению дулебов. Решение, которое принял, было таким простым, плоским, что стало горько от непочтения к самому себе – в мирской жизни сложностей нет вовсе! Но опасности и крови – много.

Десятник Дупоглазрук пировал с лучшими воинами. Терем сгорел, а из оставшихся домов лучший оказался у нового войта. Теперь войт висел на воротах – посинел, язык вывалился, глаза как у совы: веревку выбрали потолще, шершавую, чтобы не задавила сразу. Всю ночь слышны были хрип, стук босыми пятками в толстые доски. Затих лишь к утру. Бабу зарубили – выла громко. Две малые дочки, в разорванных сарафанах, истерзанные грубыми утехами, прислуживали страшным обртам. Была еще одна, но та не выдержала. Кацапаган, старый вояка, предложил свой кинжал тому, кто

придумает что-то новенькое. Выиграл, конечно, он сам, но едва не разорвал ее пополам, потом она чудом не задохнулась, а под конец детская спина хрустнула, и девчонка перестала двигаться, но еще жила. Ее сбросили с крыльца, а затем кто-то из обрвов, проходя к колодцу, равнодушно наступил сапогом на тонкое горло, услышал хруст и пошел дальше.

Они пировали с вечера, похоронив убитых, смыв копоть после пожара. Дупоглазрук остался старшим: проклятый пещерник выбил стрелами всю верхушку. Трудностей Дупоглазрук не ждал. Сейчас десятник, завтра будет сотником, как только известие о резне донесется на конских копытах до походного хана. А пока он с лучшими из уцелевших пил странное вино, приготовленное из меда, – сладкое, липкое, но с мощным ароматом, и крепкое, как удар кулака в боевой рукавице.

Кацапаган в который раз рассказывал о схватке у ворот, когда едва-едва не поразил увертливого пещерника – еще миг, и тот бы пал от мощной длани Кацапагана. Его слушали вяло, пили хмуро. Ермагама швырял обглоданными костями в младшую дочь, стараясь попасть в глаза. Заплаканная, она не пыталась уворачиваться, едва держалась на ногах, по внутренней стороне детских ножек текла струйка крови.

– Это кто-то из наших, – заявил десятник свирепо. – Дулебы воевать не умеют, мы их стерли в прах в первом же сражении!.. Это какой-то из наших!.. Я слышал, не все приняли начертанный богами путь.

– Те ушли давно, – пробормотал Кацапаган. – Когда хан Обад принял новую религию... Не все согласились отдать всех своих богов за одного чужого. Не все!

– Это было давно, – согласился третий, ветеран многих войн Крагатак, – к тому же то было далеко, на родине. Откуда взялся этот?

– Уходят и потом, – возразил десятник. – Кто знает, когда приходит малодушие? В какой момент суровая душа вдруг становится уязвимой, доступной унижающей воина жалости?

– Хорошо, что сгорел, – сказал Кацапаган. – А то, глядишь, и другие...

Над ухом резко хлопнуло. Кацапаган оглянулся, с недоумением смотрел на лохмотья от бычьего пузыря, тонкой пленкой которого дулебы затягивали окна. Сейчас в окно дул свежий ветер, солнце бросало в избу яркие лучи. Хрип с середины комнаты заставил Кацапагана оглянуться в другую сторону. Десятник неестественно запрокинул голову, из горла торчало белое оперение стрелы, а острие высунулось с другой стороны толстой высокой спинки резного стула.

Все застыли. Это длилось лишь миг, тут же Крагатак с грохотом полетел из-за стола: стрела, ударив в лоб, отшвырнула на середину комнаты. Кацапаган не двигался, чувствуя, что находится под защитой стены, третья стрела свистнула совсем рядом – грузный Ендлярма рухнул без звука: стрела попала в висок, пробила голову насквозь.

Двое уцелевших поспешно плюхнулись на пол среди объедков, отползли под защиту стен. Один замешкался, стрела в последний момент вонзилась под лопатку, и он быстро затих, царапая ногтями пол.

Прямо над ухом замершего Кацапагана за стеной прогремел страшный, как львиный рык, голос:

– Меня хороните?.. Это вы все трупы!

Кацапаган сидел за столом не шевелясь, даже боясь выпустить кубок из онемевших пальцев. Спиной он вжимался в стену, чувствуя там, на просторе, огромного страшного человека. В углу застыл Мирошноман – храбрый, неустрашимый, но теперь бледнее стены, под которой искал защиты. Он встретился взглядом с Кацапаганом. Тот не двигался, страшась окна, рядом с которым сидел, боясь отодвинуться.

За стеной было тихо. Кацапаган начал мелко трястись, двор был заполнен бляеньем коз, кудахтаньем, скрипел колодезный ворот, а в это время чужак наверняка уже крадется к другому окну – их еще два! – оттуда выстрелит в него... или Мирошномана.

Он успел умереть сотни раз, в желудке будто образовалась огромная глыба льда, и все тело холодело, застывало от ужаса. Вдруг дверь с треском распахнулась – оцепеневший Кацапаган даже не шелохнулся, уже в душе мертвый, – через порог шагнул пьяный Когуторман. Он уцепился за косяк, перекосил рожу:

– Ну и надрались... А еще на меня... Вымойте сперва свои

грязные пальцы, прежде чем указывать на мои пятна...

Мирошноман оторвал голову от пола, спросил сдавленно:

– Там за хатой... видел кого?

– Никого, – ответил Когуторман и рыгнул. – А что, каджи привиделся?..

– Нет, но...

– А что вы... Великая Кобылица!.. Передрались, что ли? И вина сколько разлили, болваны неотесанные, а еще новому богу кланя...

Кацапаган, разом ожив, метнулся через всю комнату, опрокинул стол, выскочил на крыльцо. На пустом дворе блеяла и пыталась оборвать веревку одинокая коза – не кормили со вчерашнего дня. У ворот молодой обрин гонял на длинном поводке дикую лошадь, хлыстом приучал к полной своей власти. И лошадь, и молодой воин уставились на взъерошенного Кацапагана с удивлением – у парня отвисла челюсть, а лошадь фыркнула.

Кацапаган вдруг понял, что после гибели десятника теперь он старший. Повернулся на крыльце, крикнул:

– Мирошноман! Когуторман! Выносите раненых. Пещерника нет, скрылся.

Из хаты донесся протрезвевший голос Когутормана:

– Раненые? В них жизни как в скамье, на которой сидят! Стрелы прошибли насквозь, как я протыкаю пальцем лист лопуха.

Согнав перепуганных дулебов, в основном плачущих баб

и детишек, велели копать могилу, уложили погибших воинов вместе с их оружием, забили коней, сверху натаскали сухих бревен, зажгли, а в огонь побросали дулебских женщин – по три на каждого обрина, чтобы прислуживали на том свете, как служили на этом.

Затем Кацапаган спешно созвал уцелевших обров на воинский совет. Два ряда воинов отныне охраняли избу, а еще ряд с луками наготове расставил вокруг двора – они не должны были подпускать близко даже полевую мышь.

– Он не сгорел, – заявил Кацапаган. Лицо его было мрачно, под глазами висели темные мешки. – Еще знаем, что не напуган, иначе бы давно убрался. Он объявил нам войну. Сумасшедший, это ясно.

Десятник пристально всматривался в суровые жесткие лица, испещренные шрамами. Каждому молодому мужчине, который вступал в ряды воинов, жрецы наносят глубокие раны на щеках – это знак воинов-зверей, а у них были еще и кольца на левой руке – знак бесчестия, он же знак воинской доблести. В мирное время изгои, в военное – самые лютые бойцы, что сражаются, как звери, ярятся, как звери. Сейчас ни на одном лице не проступил страх, ни один взгляд не дрогнул. Чужой ли бог, демон ли, неведомый богатырь – они пойдут, как на лютого медведя, вепря или могучего тура, забросают стрелами, поднимут на копья!

– Я послал гонца к хану, – закончил Кацапаган. – Он назначит меня сотником, не осталось старых воинов. Мы бро-

сим на этого пещерника-воина все силы. Гугугубун, ты умеешь водить летучие отряды. Бери десяток, бери два или три, но уничтожь его!

– Трех десятков хватит, – ответил Гугугубун.

Гульчачак отскочила от окна, ее глаза были широко распахнуты, брови выгнулись тонкими дугами.

– Ты слышал, что прокричал гонец?

Морш сидел за столом, светильник освещал смуглое лицо, горящие глаза. Он листал ветхую рукопись, сестре ответил не сразу:

– Он жив?.. Боюсь, мы повстречали необыкновенного человека.

– Они устраивают на него охоту!

– По зубам ли такая дичь?.. Обры – свирепые воины, бесстрашные, но слишком невежественные. Он умнее, может уйти. Надо сделать так, чтобы не ушел.

Она смотрела на него с недоверием:

– Надо ли нам вмешиваться?

– Он не нашей веры, сестра. Поэтому его надо уничтожить, ибо покорить такого человека невозможно. Он не обрин. Он намного умнее. Иди седлай коней, а я договорюсь с вождями этих дикарей.

Поморщившись, он решительно развязал на голове повязку. Под коричневой коркой запекшейся крови виднелся вздутый багровый шрам, а опухоль постепенно теряла кро-

вавый цвет. Морш криво усмехнулся, показал мелкие, как у хорька, белые зубы:

– Заодно рассчитаюсь!

Олег ехал на огромном белом жеребце, второго коня вел в поводу. Он был в безрукавке из волчьей шкуры мехом наружу, распахнутой на широкой груди. Обнаженные мускулистые руки блестели на солнце. Рукоять огромного двуручного меча торчала на перевязи из-за спины, на поясе в чехлах плотно сидели два швыряльных ножа, а лук и колчан со стрелами повесил с правой стороны седла. Слева висел щит – небольшой, круглый, такими скифы, а затем готы пользовались в конных стычках. Олег щит не жаловал, пользовался редко, но сейчас взял – отвык от ударов меча.

Поднялось солнце, меч в тяжелых ножнах начал ерзать по вспотевшей спине – Олег дважды подтягивал широкую перевязь. Наконец снял меч, зацепил на крюки слева от седла, а щит повесил на спину: легче, заодно защитит от стрелы.

На шее болталось ожерелье с оберегами – он сам вырезал из дерева этих волков, рыбок, медведей, птиц, мечи, щиты и лики богов. Крохотные, не крупнее ореха, легкие, они всегда болтались на его шее. Он вспоминал о них только во время раздумий, но сейчас чаще обычного перебирал их, сидя в седле, прислушивался к голосу души.

Он сразу заметил, что среди отряда, посланного за ним, едут двое чужаков. Обры все в звериных шкурах, наброшен-

ных на голое тело, вместо седла – тонкая попонка, а у этих двоих – одежда с капюшонами, закрывающими от пыли, седла высокие, удобные, стремяна подогнаны по росту. Один был ширококостный мужчина, капюшон закрывал его глаза, другого Олег кое-как признал: девушка, что молила пощадить брата.

Обры скакали, держа в поводу запасных коней. Олег выехал из-за деревьев на дорогу, давая увидеть себя.

Завидев всадника, обры люто завизжали, начали хлестать коней. Передние второпях пустили стрелы – те упали в дорожную пыль. Олег погнал коня в галоп. Не хлестал, не оглядывался – по стуку копыт знал, кто едет и где.

Одна из стрел все же ударила в щит на спине Олега. Он толкнул коня в бока пятками, побуждая ускорить бег. Стрела на излете, не убойная, но лучше избегать даже царапин. Обры не скифы, отравленным оружием не пользуются, но ведь говорят же, что утопающий и за гадюку схватится.

Щеки Гульчачак покраснелись, глаза не отрывались от спины скачущего далеко впереди всадника.

– Он не в панике! – вскрикнула она. – Не гонит лошадь изо всех сил!

– Коня, – сказал Морш.

– Что? – не поняла она.

– Лошадь они называют конем, реже – комоном. Я запоминаю славянские слова на случай, если старейшины решат

направить сюда проповедников... Да, он словно нарочно выехал на дорогу.

– Ловушки? – спросила она, загораясь. – Заманивает?

– Какие могут быть ловушки в голой степи? Давай придержим коней, пусть впереди скачут самые глупые. Их не жалко.

Вновь показалась небольшая рощица. Всадник несся к ней. Морш напрягся, всей кожей чувствуя опасность. Одинокий всадник на полном скаку исчез за деревьями, среди обрыв вспыхнула ругань: пещерник перебьет стрелами многих, пока они, спешившись, будут искать среди деревьев и бурелома.

– Вперед! – заорал Гугугубун. – Это удача! Роща крохотная, окружим ее – муха не пролетит незамеченной!

Степь загремела под конскими копытами. Внезапно всадник на полном скаку выметнулся из-за деревьев: роща оказалась слишком мала или деревья стояли чересчур редко. Гульчачак показалось, что он должен был появиться из-за деревьев раньше, она взглянула на брата вопросительно. Тот кивнул, не скрывая угрюмой усмешки:

– Первая ошибка варвара!.. Спешился, пытался укрыться. Не сразу понял, что роща просвечивается насквозь. Это стоило ему потери времени. Он проиграл.

Гугугубун несся впереди отряда. Он подался вперед, вытянув руку с зажатой в кулаке рукоятью кривой сабли. Его хищные, как у коршуна, глаза наливались кровью.

– Быстрее! – крикнул он. – Уже нагоняем!

По сухой земле, стеблям и пожухлым листьям, вмятым копытами скачущих коней варвара, было заметно опытному глазу, что кони устали – их всадник был слишком тяжел.

Внезапно три передних бешено несущихся коня полетели на землю. В месиво бьющихся в воздухе копыт, торчащих копий, сабель, топоров врезался другой ряд, третий, не в силах разом остановить коней.

Морш ухватил коня сестры за уздечку, удержал. В ужасе они видели, как из-под кучи окровавленного мяса выползают искалеченные, уцелевшие. Храброго Гугугубуна и еще двоих вытащили затоптанными, мертвыми. Четвертому пришлось срочно перерезать горло: он в падении наткнулся на собственную саблю – лишь рукоять торчала из груди. Ржали искалеченные кони, торчали сломанные и вылезшие наружу кости, кровь жадно всасывалась сухой землей.

– Протянул веревку! – вскрикнул Морш со злостью. – То была не ошибка. Роща оказалась нужна лишь затем, чтобы на время укрыться от наших глаз, пока натягивал веревку!

Похоронили мертвых, поставили памятный знак, дабы потом устроить на этом месте краду с кровавой жертвой. Посоветались, временным десятником выдвинули Мирошно-мана. Новый десятник осторожничал, велел не спускать глаз с маячившего вдали всадника. Тот уезжать не спешил, казалось, поддразнивал, насмехался.

Морш ярился, требовал гнать во весь опор – под пещер-

ником кони устанут быстрее, чем под обрами, а ловушек не будет: степь ровная как ладонь. Мирошноман в ответ угрюмо кивнул на замыкающих небольшой отряд троих всадников, что едва держались в седлах, повязки их сочились кровью.

– Мы закопали четверых... а погоня только началась! Погибли от простой веревки. А что еще в седельных сумках у пещерника?

– Будем смотреть в оба, – бросил Морш зло.

– Я гляжу, – возразил Мирошноман. – Как примут на том свете сыновей Большой Кобылицы, что погибли не от меча, а от простой веревки? Позорная смерть для воина-зверя!

– Вы приняли истинную веру, – напомнил Морш зло. – Они попадут не в старый языческий рай, а в наш, истинный!

– На том свете мною хоть ворота подпирай, а здесь не хочу обгадиться.

Он стегнул коня, догоняя передних всадников. Морш остался с Гульчачак. Девушка вскрикнула пораженно:

– У пещерника два лука, если глаза меня не обманывают. Зачем? Я никогда не видела воинов с двумя луками.

Один из обрвов услышал, бросил с бешенством:

– Он не воин!

Морш ответил задумчиво:

– Я тоже не видел. Я воевал в разных странах, видел разные народы. Впрочем... погоди! Был такой древний народ. Они еще с египтянами спорили о первородстве. Скифы! Они носили по два лука. Стрелы были отравлены. Один из их

героев забрел далеко на восток, даже на юг, там совершил немало подвигов. Таргитай, сын Тараса, а в Элладе его звали Гераклом. Он убил там ужасную гидру, смазал ее кровью концы стрел, как делают скифы...

– Это не он?

– Нет, – ответил Морш уверенно. – Геракл отдал второй лук сыну. Их было у него трое, все пробовали натянуть тетиву по очереди, но сумел лишь младший – ему достался лук и все земли, остальные братья откочевали... С той поры Таргитай ходил лишь с одним луком.

Гульча сказала с сожалением:

– У этого их два, так что это не Таргитай.

– Однако он знал скифов! Этого я не понимаю. Сидит на коне по-скифски, стреляет по-скифски... Даю голову на отсечение, что он на полном скаку может бить в цель, как были обучены скифы. Не понимаю... Варвары записей не ведут, как мой богом избранный народ, – откуда же скифские приемы боя? А меч – сарматский...

Ночь упала на землю, как гигантский черный колпак. Обры и Посланцы Бога поняли, что пора останавливаться для ночевки – почти перестали видеть друг друга. Всадник, которого преследовали, потерялся впереди во тьме.

Спали тревожно, нетерпеливо, жадно высматривая полоску рассвета. Луна еще светила, когда наспех поджарили на костре мясо, наскоро прожевали. Мирошноман выслал двух разведчиков, велел отыскать следы. Вернулись оба невидан-

но скоро. У обоих на лицах было странное выражение.

Мирошноман рявкнул зло:

– Почему вернулись? Не знаете, как искать?

Один разведчик ответил хриплым, как у испугнутой птицы, голосом:

– Нашли. Он их вовсе не прятал! Зола его костра всего в двух полетах стрелы.

Мирошноман побледнел, по спине между лопаток прополз холодок, будто пробежала холодная быстрая ящерица. Внезапно глаза расширились, он подпрыгнул:

– Он мог видеть наш костер?

– Он видел, – ответил разведчик сдавленным голосом. – Мы отыскиали его следы. Он ходил вокруг нашей стоянки. Он пересмотрел все наши седельные сумки, срезал стремяна, переломал стрелы в колчанах, перерезал тетивы... Лучшие унес. В одном месте лежал очень долго, это совсем рядом. Слушал разговоры.

Мирошноман застыл, мучительно вспоминая, что такое говорил ночью у костра. В голове шумело, грохотали копыта небесного коня, донеслось ржание Большой Кобылицы. Из красного тумана проступило хищное лицо Морша и лицо Гульчи – посланцев новой веры в единого бога.

Морш сказал настойчиво:

– Надо выставять стражу на ночь. Он мог нас бить из темноты стрелами на выбор.

Снова Мирошноман ощутил холодок, словно стрела уже

торчала в сердце и жизнь медленно вытекала вместе с кровью.

– Великий Змей, – выдавил он деревянными губами. – Это не человек...

– Надо ехать, – напомнил Морш настойчиво.

Выехали, тревожно оглядываясь, держась настолько тесно, что касались друг друга. Спины напрягались при каждом шорохе, а их было немало – сухой стебель полыни треснет, копыто стукнет громче обычного, птица внезапно вспорхнет из травы прямо под мордами коней. Обры хватались за оружие, потом долго ругались пресекающимися голосами. За спинами торчали луки с обрезанными тетивами, а колчаны везли в седельных мешках – стрел не осталось.

Олег поднял коней, когда обры приблизились на полверсты. Несколько горячих голов пустились было к нему во весь опор, надеясь настичь раньше, чем он разгонит коней в галоп. Олег, напротив, нахлестывать коней не стал, подпустил ближе, внезапно сорвал из-за плеча лук...

Гульчачак со смешанным чувством наблюдала, как холодно и страшно блеснуло солнце на железных наконечниках. Троих всадников словно ветром сдуло с седел. Стрелы били, как молнии, она вспомнила и поверила в рассказ потрясенного Мирошномана о побоище во время пирушки.

Четвертого всадника Олег подпустил вплотную. Мирошноман видел, что пещерник успел бы и его сшибить стрелой, видать, хотел посмотреть обров в схватке или показать себя.

Когда они прискакали всем отрядом, Мирошноман бросил лишь косой взгляд на поверженного – это зрелище будет преследовать его всю жизнь, какой бы длинной она ни была. Воин был разрублен пополам: от макушки до седла. Обе половинки лежали в крови, а на седле осталась резаная полоса, пропитанная кровью. Конь сильно припадал на переднюю правую, дрожал, все еще переживая страшный удар, едва не сломавший ему хребет.

– Как мы можем взять такого человека? – спросила Гульчачак мрачного Мирошномана. – Зачем вообще за ним едем?

– Я уже разослал охотников, – буркнул Мирошноман. – Если забудут оленей или хотя бы коз, сможем из жил натянуть тетивы. Он стреляет лучше, но успеет уронить не больше пяти-шести воинов, прежде чем окажется в досягаемости наших стрел... А у нас все еще хватает свирепых воинов! Правда, тетивы будут не у всех, но другие смогут на скаку забросать копьями, а третьи иссекут топорами и саблями. Будь он из камня – раздробят на осколки!

Олег ехал быстро, но в галоп пускался редко – когда дорога шла вниз, просилась для быстрой скачки. Морш зло сжимал кулаки – на легких неподкованных конях можно было бы догнать пещерника, заморив долгой скачкой. Он тяжелее обрвов, обе лошади скоро устанут под его весом!

Гульча все всматривалась в скачущего впереди Олега.

Ехал неподвижный как камень, — обрин лихо швырял бы копье в воздух и ловил на лету, срывал бы цветы, в бешеной скачке свешиваясь с седла, рубил бы саблей молодые деревца, кичась силой и ловкостью. Варвар ехал неподвижный и загадочный, как смерть. Закаленные обры, неустрашимые звери-воины, мрачнели, их лица вытягивались.

Морш отстал от Мирошномана, поехал рядом с Гульчей. Их взгляды встретились, Морш покачал головой:

— Он не воин. Это хуже всего.

— Почему?

— Воин прост, как лошадь, на которой сидит. Хороший воин лют, как волк, но так же прост. Человек без труда одолевает льва — царя зверей, ибо лев, несмотря на силу и царственный рык, — прост. Человек, за которым гонимся, был лошадю, был волком, был львом... Кто он сейчас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.